

что она вводит читателя в пестрый мир различных исторических источников, содержащих сведения об этих народных представлениях и надеждах, она помогает узнать новые факты (в частности, о «русском принце» в рядах чешских повстанцев 1775 г. и др.), помогает найти новые оттенки в рассказе о тех событиях, которые, казалось бы, давно нам известны (в частности, о Степане Малом и Черногории, о Пугачеве и его сподвижниках), она побуждает нас к новым поискам и открытиям в истории русско-славянских связей и народного сознания давних эпох.

Е. П. Наумов

Примечания

¹ См., напр.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX в. М., 1967; *Пушкарев Л. Н.* Общественно-политическая мысль России (2-я пол. XVII в.). М., 1982. *Шаповалова Г. Г., Лаврентьева Л. С.* Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985; и др.

² См., напр.: *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984; *Чуркина И. В.* Русские и словенцы: Научные связи конца XVIII в.— 1914 г. М., 1986; Прилози проучава у српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980 и др.

³ Ср.: *Наумов Е. П.* Из истории русско-сербских культурных связей конца XVIII — первой трети XIX в. // *Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII — XX вв.* М., 1987. С. 5—9.

⁴ Ср. *Чистов К. В.* Указ. раб. С. 137—141.

⁵ См., напр.: *Мошин В. А.* Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // *Международные связи России до XVII в.* М., 1961. С. 497—501; его же. Из переписки самозванца Тимошки Анкудинова // *Тр. отд. Древнерусской лит.-ры, Л.*, 1969. Т. 24. С. 309—313.

⁶ См., напр. *Карачић. В.* Ст. Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С. 8.

НАРОДЫ СССР

© 1990 г.

Т. А. Николаева. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. 246 с.

Бесполезно искать книгу Т. А. Николаевой на прилавках книжных магазинов — ее раскупили сразу по выходе из печати, хотя это дополнительный (4000 экз.) и довольно большой для научного издания тираж. Широкого читателя, конечно, привлекает красочность книги, представленное в ней очарование и богатство украинской, народной, крестьянской одежды прошлого. Но это не альбом образцов одежды. Иллюстрации здесь едва ли не главный фактический материал, на основе которого автор высказывает взгляды и суждения об истории развития украинского народного костюма. Ограничительная ремарка (Среднее Поднепровье), которая вынесена в заглавие, в значительной степени условна: в книге Т. А. Николаевой неизбежно затрагиваются и вопросы, и проблемы по более широкому региону. Сравнительно недавно то же издательство выпустило прекрасную книгу К. И. Матейко об украинской народной одежде, но рецензируемая работа — это особый подход к решению задач, стоящих перед историком культуры.

Т. А. Николаева поставила перед собой три задачи: исследовать генезис и историю элементов народной одежды; выделить и обосновать правомерность особых региональных комплексов одежды в Среднем Поднепровье (мужских, женских, девичьих; почему-то опущен детский?); попытаться наметить возможности сохранения традиций народного костюма в современной одежде. Каждая из этих задач могла бы стать темой специального исследования. Мы попробуем рассмотреть, и оценить содержание книги в том порядке, как это изложено автором. Естественно, оценки могут быть только в историко-культурном и этногенетическом плане.

Т. А. Николаева, на мой взгляд, удачно избежала опасности предпослать книге тяжеловесное и интересное только узким специалистам историкографическое введение, ограничившись беглым очерком истории проблемы, но снабдив и этот очерк, и книгу в целом исчерпывающим списком книг, статей и других материалов, на которых построено ее исследование и к которым читатель может обратиться в случае необходимости. В очерковом плане построена и первая глава, в которой исследуются отдельные элементы традиционного крестьянского костюма. В целом глава дает и полное, и достаточно научное, и увлекательное даже для обычного читателя представление

об истории основных частей крестьянской, народной одежды. Благодаря активному включению рисунков не как иллюстраций, а как полноправного фактического материала читатель приглашается в творческую лабораторию науки и может сам проверять достоверность выводов. Такой прием — одна из удач автора, и хорошо, что издательство не помешало этому, не ограничило количество рисунков обычными жесткими «лимитами», понимая, что в данном случае графика не только заменит скучные и всегда неточные описания, но и доносит содержание до читателя полнее, убедительней, увлекательнее.

Проведенный анализ отдельных частей крестьянского костюма опирается на обширный материал, накопленный и дореволюционной, и советской наукой, исследующей историю культуры. Но здесь же неизбежно обнаруживается и некоторое противоречие: поставленная автором задача — дать историю комплексов одежды лишь одного региона (Поднепровья) в сравнении с комплексами одежды других регионов, изученными пока далеко не достаточно, неминуемо выводит любого исследователя далеко за рамки не только избранной области, но и за пределы таких широких этнических общностей, как восточные славяне и славяне вообще. Если при этом мы учтем, что сколько-нибудь полные сведения об одежде в науке есть начиная лишь с XVI—XVII вв. (описания, рисунки и т. п.), а до этого времени мы можем строить лишь предположения, опираясь на фрагментарные факты, то роль предложенных широких сравнительных материалов возрастает значительно. Даже о материалах, из которых изготовляли одежду и обувь, у нас представления весьма нечеткие. Неясно также, когда появились рукава, а следовательно, и тезис Т. А. Николаевой о значимости кроя в классификации одежды должен быть как-то исторически ограничен, оговорен. Какие приемы более древние — узорное тканье или вышивка (с. 37—38), мы не знаем, так как имеющихся данных для решения таких вопросов слишком мало.

Когда речь идет об истории одежды ранее XVI в., я бы вообще воздерживался от излишне категоричных выводов вроде того, что белый цвет является общеславянской традицией, восходящей к глубокой древности (с. 32). Но ведь то же самое можно сказать об одежде очень многих народов мира — и у нас по имеющимся источникам нет полной уверенности, что славяне предпочитали именно белый цвет, а не цветное платье. Если судить по тому, что покупала славянская знать у Византии, то можно заключать, что предпочитались как раз крашенные, узорные ткани. Не стал бы я возводить в «эстетический эталон» украинцев белый цвет и в XIX в., так как дело не в эстетике, не во вкусах, а в том сложном комплексе причин, где соединены и доступная и дешевая технология, и сила привычки, и различные поверья, суеверия, и многие иные причины. Конечно, даже в книге нет возможности каждый раз разворачивать все аспекты возникающих проблем, но не следует и упрощать действительность за счет категоричных заключений. К тому же общеславянское культурное единство в прошлом — пока лишь гипотеза Л. Нидерле. Сомнительны заключения автора и об истории кроя мужской поясной одежды (штанов) (с. 42—43) у населения Поднепровья. По-видимому, тип широких штанов появился в Восточной Европе не ранее VI в. так как у скифов по имеющимся изображениям в употреблении были штаны как раз с узким шагом, да и само объединение гач, ногавиц в единый вид одежды — мужские штаны для разных мест может быть датировано разным временем.

Одна из интересных тем в сложнейших тем в народной одежде — так называемый «пристилочный комплекс». Т. А. Николаева, особенно в иллюстрациях, разворачивает перед читателем богатейший материал о различных видах этой женской поясной одежды. Она хороша и по красочности, и по узорам. Интересен и тот круг семантических связей, который отражается в поверьях, связанных с «поневами», «плахтами», «запасками» и т. п. Судя по распространению и смыслу употребления, это очень древняя часть женского костюма. Но не древнее же качества? Или корни следует искать еще в тех поясах (юбочках) стыдливости, которые известны по всему миру? Однако насколько сопоставимы такие явления? Словом, сколько-нибудь правильный, но не исчерпывающий ответ можно будет получить, проанализировав материалы по многим народам Европы и Азии и минимум за четыре тысячелетия, а это явно выходит за пределы возможностей автора рецензируемой книги. Более правильным здесь было бы ограничиться лишь информативным материалом, избегая определенных заключений. Можно было бы выставить возражения и по многим другим выводам Т. А. Николаевой: о времени распространения юбок на Украине и в России, о типичности постолов для славян (хотя такой вид обуви едва ли не универсален везде, где носят обувь). Но все это издержки нашего стремления прийти к однозначному выводу там, где он пока недостижим.

Рассматривая главу о составляющих элементах комплексов, необходимо остановиться и на их соотношении между собой. Это особенно важно и потому, что автор и дальнейшие главы строит на базе этих элементов, и еще потому, что именно соотношение между собой элементов наиболее показательно для их исторического анализа во всех возможных аспектах. Когда читаешь текст книги, может возникнуть впечатление, что для автора все привлеченные для анализа элементы примерно равнозначны. Да, в тексте говорится о древности той или иной части одежды, о ее эстетическом значении, о роли в поверьях и т. п. Но все это вскользь, как бы мимоходом, более для справок, чем для сути исследования. Из таких равных по правам элементов Т. А. Николаева потом составит типичные для Среднего Поднепровья комплексы одежды, об этих же элементах она будет говорить как о ценном наследии культуры прошлого, которое следует использовать и сейчас. Но ведь на самом-то деле взятые для изучения элементы никак не равны между собой ни по их значению, ни по их смыслу. Одежда нижняя, нательная понималась и воспринималась совсем иначе, чем верхняя, любые виды украшений (кроме общего цвета одежды) имеют совсем иной смысл в человеческой культуре прошлого, чем собственно одежда, и т. д. Освещать все эти сложные темы в данной книге было бы не обязательно, если бы автор по-иному понимала историю

формирования среднеднепровских комплексов крестьянской одежды XIX в. Но понятное и в целом похвальное стремление к историческому объяснению возникновения самих комплексов обязывает более ответственно отнестись и к пониманию сути элементов, составляющих такие комплексы. В рецензии невозможно даже кратко остановиться на всех затронутых вопросах. Сошлюсь лишь на некоторые примеры.

Нетрудно заметить, что наибольшие и очень устойчивые различия в одежде по полу проявляются лишь в нижней и так называемой «горничной одежде» (если к ней отнести упомянутый пристилочный комплекс). Более того, именно в этой одежде можно проследить и некоторые возрастные отличия. Верхняя одежда более однотипна: свиты, кожухи в принципе одинаковы по покрою, учитывалась лишь разница в строении тела. Исторические различия более заметны в том, что наиболее устойчивыми формами кроя, материала, характером и расположением украшений всегда отличалась именно нательная одежда (рубахи). Верхняя одежда легче воспринимала любые изменения — введение новых материалов, покроя, усвоение иноэтнических заимствований, заимствований из культуры господствующих классов и т. д. Те же черты отличаются и вошедшие в быт с XVII—XVIII вв. виды женской горничной одежды — платья, юбки городского (местечкового) покроя, безрукавки и т. п. С верхней одеждой связано гораздо меньше суеверий. Можно думать, что и в формировании того образа крестьянской одежды, который дает нам этнография XIX в., роль этих элементов должна рассматриваться далеко не однозначно именно в историческом плане. Зональные сходства или различия в нательной одежде неизбежно отражают и более глубокие исторические различия или сходства, чем другие виды одежды. Поэтому сходство в крое женских рубах по всему Поднепровью действительно может говорить нам о какой-то былой общности этого населения, хоть я и не уверен, что это именно славянская общность или только восточнославянская. Сходство же в типах обуви (постолы, опанки), наоборот, не может быть принято во внимание, так как рациональность такой обуви делает ее повсеместным явлением.

Еще более существенны различия в собственно одежде и в украшениях. Главное назначение одежды — защита тела от неблагоприятных воздействий внешней среды. Конечно, на основную функцию исторически накладывалась и известная социальная роль. Уже упоминалось о различиях между женской и мужской одеждой. К этому следует добавить особенно заметные в средневековые классовые различия костюма (только в верхней одежде). Происходит известное «слияние» украшений и одежды из-за вышивок, узорного ткачества и т. д. Но основная-то функция украшения — быть социальным разграничителем, своеобразным паспортом человека. И в этом смысле украшения скорее относятся к сфере духовной культуры, чем к таковому предмету потребления, как одежда. Их происхождение, историческая роль, семантика развивались по иным законам, чем собственно одежда. Замечу, что *сузубо* эстетическое их звучание — явление весьма позднее у крестьян, конец XIX — начало XX в. и наше время. Ранее «паспортное» значение (половозрастное состояние, локальная и этническая принадлежность и т. п.) явно в них преобладало, сливаясь с семантикой узоров и с религиозными (языческими) представлениями. Украшения были оберегами, что не лишает их ни гармонии, ни красоты.

Выделение, описание комплексов крестьянской одежды этнографического периода вполне закономерно, и этому Т. А. Николаева посвятила свою вторую главу. Выделенные ею для XIX в. комплексы, с разграничением на девичьи, женские и мужские, подтверждены обильным материалом, приведенным в рисунках, тексте и ссылках на литературные источники. Недостаёт лишь детской одежды, что досадно для историка культуры, так как особенностью именно детской одежды ярко подчеркивают социальную значимость некоторых видов одежды. Автор, рассматривая комплексы в чем-то неизбежно повторяет материалы первой главы и уделяет внимание социальным факторам, но этот аспект во второй главе еще более нивелирован, затушеван стремлением дать именно комплекс, набор предметов. Очень интересны и более четки в этой главе зональные различия в деталях костюма: разные типы пристилок, разный колер вышивок, различия в украшениях и т. п. Можно упрекнуть Т. А. Николаеву, что в книге недостаточно отражена социально-классовая неоднородность украинского села. Дело не только в том, что у некоторых просто не было средств на богатые праздничные плахты. Об этом писалось достаточно. Дело в ином процессе. Как бы замкнуто ни жило крестьянство в прошлом, какие бы социальные барьеры ни воздвигались между сословиями, они не были абсолютно глухими. Образ жизни господствующих сословий сказывался на одежде, но по-разному у различных имущественных групп сельского населения. Богатые крестьяне стремились подражать «господам». Но в чем, насколько, кому именно? По каким каналам шло влияние города? Все было различно в разные периоды XIX в. И еще — какие стороны, детали костюма оказались наиболее отзывчивы на такие влияния, все ли одинаково? Ведь не сводится же такое влияние лишь к внедрению новых тканей. По-иному шел процесс размывания традиций и у беднейшей части крестьян, вынужденной идти на заработки. Эта часть уже не могла поддерживать прежний «эталон» костюма просто из-за нехватки средств. Все это так или иначе сказало и на справедливо отмеченном автором влиянии польского костюма (с. 153), но думается, что дело было не просто в переселениях, хотя были и они, а в постоянном и сложном влиянии некоторых тенденций польского (и иных этнических групп) костюма через традиции господствующих сословий, через население городов и местечек, более тесно связанных с крестьянством, влиявших на него длительно.

Более существенные возражения возникают в связи с интерпретацией, пониманием Т. А. Николаевой выделенных ею комплексов. Комплексы, по мнению исследовательницы, есть наследие прежних этнолокальных групп населения. Такое толкование, думается, вряд ли справедливо. Если бы речь шла об элементах, составляющих комплекс, споров бы не было — все зависит от убедительности интерпретации и имеющих фактов. Но комплексы в их региональной обособленности

возникли в том виде, как их знает этнография, не только сравнительно недавно, но они, как это показывает и автор, относительно неустойчивы. Строго говоря, все эти комплексы — черта культуры, принадлежность уже одного народа — украинцев. И отражение в них прежних делений либо охватывает отдельные особенности костюма, либо связано совсем не с этнолокальными традициями, а с причинами имущественно-социального плана (то же влияние города, господствующих сословий и т. п.). Вряд ли стоит «тянуть в прошлое» именно комплексы целиком. И еще одно замечание общего порядка в связи с этнической историей: не преувеличиваем ли мы иногда роль этнического фактора? Ведь в жизни Украины XVII—XVIII вв. сословные различия (деление на казаков, «черкасов» и крепостное, зависимое население) имели весьма существенное значение. Сословные различия отражались и в одежде. Шли достаточно сложные внутренние миграции, менялся и социальный статус многих групп крестьянства. Все это так или иначе сказалось и на облике их костюма. Правда, это особая тема, но не учитывать ее нельзя, хотя бы в общем плане.

По сравнению с работами Т. А. Николаевой по современной одежде, мне показались и материалы, и текст ее третьей главы более сжатыми, фрагментарными. Получилось своего рода «независимое» заключение, некий проспект на будущее. С ее главным тезисом трудно не согласиться. Да, у народа Украины такие богатые традиции, такое обильное и красочное наследие в материалах по крестьянской одежде, которые просто преступно не использовать в сегодняшней нашей жизни. Тупая погоня за зарубежными образцами не делает чести нашей индустрии одежды. Но мне показалось, что простое включение элементов традиционного костюма — образцы кроев, использование орнамента, соотношение цветов, словом, попытка перенести части из прошлого в настоящее не решают сути дела и редко приживаются. Это характерно для подобных попыток во всех регионах нашей страны, во всех национальных республиках. И дело здесь, видимо, не в недостатках наших модельеров, а именно в методах использования нашего общего богатого наследия.

На разных этапах истории одежда играла разные роли. Возникнув как элемент потребления, она исторически приняла на себя и социальную функцию. Но главное оставалось: одежда должна была служить людям, конкретным людям, исходя из их образа жизни, потребностей, условий труда, досуга. И те комплексы крестьянской одежды, которые так внимательно восстановила и представила в своей книге Т. А. Николаева, тоже принадлежат определенному историческому периоду.

В первых двух параграфах третьей главы Т. А. Николаева дает интересный материал о том переломном моменте, который в дальнейшем привел к современному состоянию одежды. Но этому очерку явно недостает глубины и обоснованности в выводах, так как одежда рассматривается сама по себе, а изменяющиеся условия жизни людей — лишь в общих фразах, каждая из которых справедлива сама по себе, но они общей картины не составляют. А ведь изменения в одежде заключены не только и не столько в новых материалах и возможностях, но и в изменившейся жизни людей, их мировоззрении, отношении к этому элементу культуры. Рационализм и практичность современных видов одежды (далеко не обязательные!) — результат воздействия суммы факторов. Ведь и крестьянская одежда по-своему была рациональна! Изменились сами требования и к рациональности, и к одежде. К сожалению, теоретически эта сторона современной культуры пока не изучена, и далее разговоры о сочетании народных традиций и современных мод мы пока не пошли. Возможно, в дальнейшей работе Т. А. Николаева восполнит этот пробел? Фундамент для этого заложен.

Возвращаясь к общей оценке труда Т. А. Николаевой, можно поздравить наших читателей и нашу науку с появлением еще одного интересного и очень содержательного сочинения. Я бы еще раз подчеркнул богатство иллюстраций. Дело не только в общей культуре издания, что отличает издательство «Наукова думка», судя по тем этнографическим книгам, которые я знаю. Благодаря богатству иллюстраций в руки читателя приходит сам фактический материал с его наглядной убедительностью и достоверностью, а хорошее качество исполнения само по себе пробуждает любовь и уважение к народной культуре, к богатейшему наследию, которым мы располагаем и которое обязаны беречь.

Как и любое значительное исследование, труд Т. А. Николаевой вызывает на дискуссию, приглашает богатством затронутых тем и вопросов к размышлениям, научным спорам. Но он не оставляет читателя равнодушным, чему способствует и приведенный в книге обильный фактический материал. Книга — лучший подарок не только разного рода специалистам в области культуры, но и самым широким кругам читателей.

Г. Г. Громов

© 1990 г.

Н. И. Саваушкина. Русская народная драма: художественное своеобразие. М., 1988. 231 с.

Среди фольклорных жанров есть такие, которые ведут свое начало с незапамятных времен и сопровождают породивший их народ на всем пути его исторического развития. У русских это былины, сказки, пословицы, обрядовый фольклор, загадки и пр. Именно им отдают преимущественное внимание фольклористов. Достаточно посмотреть библиографические указания по фольклору, чтобы убедиться в этом.